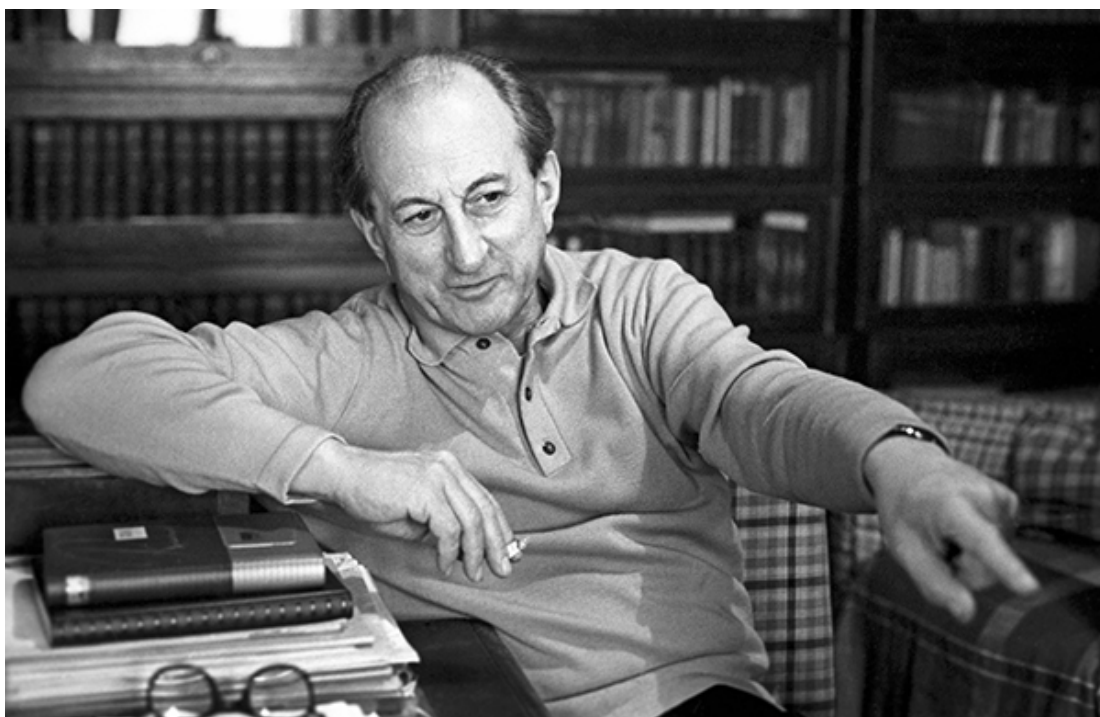

И все-таки он верил

115 лет назад в Иркутске в семье сосланного социал-демократа родился Михаил Ромм, будущий выдающийся советский кинорежиссер, который поставит ряд замечательных фильмов, а как профессор ВГИКа станет учителем Чухрая, Тарковского, Кончаловского, Шукшина, Данелии, Ролана Быкова...

Ромм был очень умным, обаятельным, живым и добрым человеком, но он был человеком советским. Сочетание этих качеств, как ни странно, имело и свою отрицательную сторону. Владимир Ильич в его фильме «Ленин в 1918 году» выглядел в исполнении Щукина человечным и даже немного забавным, но когда подлые эсеры пытались убить такого Ильича, это делало апологию Большого террора по Ромму гораздо более убедительной, чем подобная же апология по какому-нибудь чугунно-деревянному Чиаурели. Притом надо учесть, что Ромм снял этот фильм не когда-нибудь, а в довольно страшном 1939-м.

Значит, не надо заблуждаться. Человечный кинорежиссер Ромм внес такую же лепту в формовку хомо советикуса, как менее человечные Роом, Эрмлер, Пырьев, Довженко или тот же Чиаурели. Но он отличался от прочих именно

тем, что был человеком живым, и оттого его советскость не была непроходимо сплошной, как бетонная стена. В 1943 году, когда власти вознамерились создать в Москве «чисто русскую» (без режиссеров-евреев) киностудию «Русфильм», он обратился к Сталину с письмом, в котором указывал на антиеврейский характер этой затеи; в том, что она была отменена, есть и его заслуга. Ромм был способен сознавать свою ответственность, каяться и меняться, причем менялся он искренне, а не в угоду новым веяниям. Известно, что в эпоху хрущевской «оттепели» (ноябрь 1962 г.) Ромм выступил во Всесоюзном театральном обществе с речью, напомнив об антисемитской практике сталинских времен, когда слово «космополит» заменило слово «жид». После чего по доносу писателей-сталинистов был обвинен в сионизме. Но и тут Ромм остался человеком советским. В ответ на обвинения в сионизме он написал: «Сионизм — это буржуазный еврейский национализм с ярко выраженным антисоветским характером... Я не сионист, я коммунист». Не надо думать, что это всего лишь тактический ход: в осуждении сионизма Ромм был так же искренен, как в осуждении антисемитизма.

Первым плодом мучительной «переделки себя», совершенной Роммом как режиссером «сталинского стиля» и человеком сталинского мышления, стали «Девять дней одного года». Вышедший в 1962 году, этот фильм про физиков-ядерщиков был необычайно популярен и подвигнул податься в физики даже иных из тех, кто по ментальному складу был чистым «лириком».

Еще дальше в отходе от «прежнего себя» режиссер продвинулся в «Обыкновенном фашизме» (1965). Ромм не был наивным человеком, и удивительная похожесть гитлеровской Германии на сталинский СССР отнюдь не является случайным и незапланированным эффектом картины. Не надо также думать, что это сходство прошло мимо внимания советских бонз. «За что вы нас так не любите?» — спросил Суслов Ромма после просмотра фильма. Нет случайности в том, что этот документальный антифашистский фильм был пущен в стране, победившей фашизм, ограниченным прокатом. (В ФРГ его показ предусмотрен школьной программой). Но и тут Ромм остался советским человеком. По воспоминаниям Майи Туровской, одного из сценаристов «Обыкновенного фашизма», он не включал в фильм хронику, в которой аналогии между Рейхом и Совком были слишком уж явными. И поступал так не из страха. Или, говоря точнее, то был страх советского человека перед самим собой, поневоле обнаружившим жуткое сходство политических систем, которые он от всей души желал бы видеть несопоставимыми.

Последний период жизни Ромма прошел в работе над новым документальным фильмом, в котором он хотел поразмышлять о глобальных проблемах современного мира. Картина осталась незавершенной; наработки Михаила Ильича, смонтированные другими режиссерами, вышли на экран под названием «И все-таки я верю».

В заключение — о еврейской теме у Ромма. Таковой у него как будто не было — и все же она была. Действие его последнего предвоенного фильма «Мечта» происходит в небольшом польском городке типа Белостока, а персонажи картины обитают в пансионе «Marzenie» («Мечта»). Их национальности не называются, но нет сомнения, что некоторые из них, как, например, хозяйка пансиона Роза Скороход, — евреи. Да и сам дух этого ироничного, печально-смешного фильма — еврейский дух. Ромм считал «Мечту» своей лучшей картиной «дооттепельного периода», а Фаина Раневская, сыгравшая Розу Скороход, называла эту кинороль единственной, которую не стыдно «плюнуть в вечность».

Фильмы Ромма (некоторые) живут. Его ученики (некоторые: например, Сергей Соловьев, Александр Митта) продолжают снимать. Правда, киноинститут назван именем Сергея Герасимова, другого вгиковского профессора. Не знаю. Мне обидно за Ромма, он выпустил больше выдающихся режиссеров, снял, как на мой вкус, больше хороших картин. Но Герасимов был глубоко русским (он всего лишь наполовину, и притом втайне, еврей), и все его фильмы были глубоко русскими (всего лишь один, телеэкранизация «Красное и черное» по Стендалю, с западным «душком»), в то время как у чистого еврея Ромма из тринадцати картин семь «чисто про Запад», две попеременно «про Запад и Россию», одна «про Среднюю Азию» и только три — «чисто про Россию», да и то одна из них, «Девять дней одного года», про людей, занимающихся физикой, которая западной или русской не бывает. Вот и выходит, что лишь диалогия о Ленине — специфически «русский» роммовский фильм. За что ж его именем ВГИК называть?

Но ладно, не будем искать антисемитский умысел и русский национализм там, где их, возможно, нет... или где они есть лишь отчасти. Юбиляр национализма не терпел ни в русском, ни в еврейском преломлении.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»

<http://bakino.at.ua>